

ВИРДЖИНИЯ БОКЕР

ВИРДЖИНИЯ БОКЕР

ИЩЕЙКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б78

Серия «Ангелы и демоны»

Virginia Boecker

THE WITCH HUNTER

Перевод с английского *М. Б. Левина*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Художник *В. И. Лебедева*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
New Leaf Literary & Media, Inc. и Andrew Nurnberg.

Бокер, Вирджиния.

Б78 Ищейка / Вирджиния Бокер ; [пер. с англ. М. Б. Левина]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Ангелы и демоны).

ISBN 978-5-17-089382-9

Магия — это зло. Колдуны, ведьмы, некроманты смущают своими чарами невинные души, губят посевы и скот, распространяют чуму.

И на пути этих злодеев, объявленных в Англии вне закона, стоим мы — Ищейки, неуязвимая гвардия его милости герцога Блэквилла, главного инквизитора страны.

До сих пор я входила в число лучших бойцов гвардии, и на моем счету арестов всякой нечисти больше, чем у кого-либо другого, хотя я всего лишь хрупкая девушка 16 лет.

Но моя жизнь в одночасье изменилась, когда я была предана своими соратниками и брошена в тюрьму по обвинению, которое не могло присниться и в страшном сне. Обвинению в колдовстве...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Virginia Boecker, 2015
© Перевод. М.Б. Левин, 2015
ISBN 978-5-17-089382-9
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава первая

Я стою на краю людной площади, где палачи зажигают костры. Двое в рабочих темно-красных плащах и обугленных кожаных перчатках как раз обходят узкие деревянные помосты, подняв горящие факелы. На помостах четыре ведьмы и три колдуна, прикованные к столбам, их ноги завалены хворостом. Они смотрят на толпу, и на лицах написана решимость. Что они такого натворили, понятия не имею — не я их брала. Но точно знаю, что прощения просить они не станут. Не будет ни мольбы о милости в последнюю минуту, ни клятв раскаяния на ступенях эшафота. И когда палачи поднесут факелы к хворосту и первые языки пламени взлетят в свинцовое небо, преступники не издадут ни звука. Раньше бывало иначе, но чем сильнее разгорается бунт реформистов, тем упорнее становятся они сами. Точно так же не важно, что именно они совершили. Какую использовали магию: заклятия, фамилиаров, зелья, травы, — все это теперь вне закона. Да, были времена, когда такое терпели и даже поощряли. Магия тогда казалась полезной. А потом пришла чума. Магией вызванная и магией же распространяемая, она чуть не уничтожила нас. Колдунов предупреждали, просили, требовали оставить свою возню, но они игнорировали все увещевания. И вот теперь, на грязной площади под грязным небом, мы кладем этому конец.

Справа, футах в двадцати от меня стоит Калерб. Он внимательно смотрит в огонь, синие глаза прищурены,

лоб слегка наморщен. По его лицу никогда не скажешь, грустит он, скучает, веселится или играет сам с собой в крестики-нолики. Даже мне не угадать, о чем он думает, а уж я-то его знаю дольше всех.

Но скоро, еще до того как в толпе начнутся протесты, он начнет действовать.

Я уже слышу смутное бормотание, шарканье подошв, время от времени вскрикивает кто-то из родственников. Люди поднимают дубины, замахиваются камнями. Сейчас их сдерживает уважение к казнимым, но когда тех не станет, в ход пойдет сила. Против палачей, против охраны, выстроенной вдоль улицы, против всякого, поддерживающего правосудие, что вершится сейчас. Да, люди боятся магии. Но последствия ее преследования пугают их еще больше. И наконец Калев осторожно подергивает себя за светло-русую прядь, медленно опускает руку в карман.

Время!

Я дошла уже до середины площади, когда раздается крик. Меня толкают в спину, потом еще раз, я налетаю на человека впереди.

— Смотри, куда прешь! — Он резко оборачивается, лицо красное от гнева, но тут же бледнеет, как только видит меня. — Простите, мисс. Я вас не видел, и... — Он замолкает, всматривается в меня пристальнее. — Да вы же еще совсем ребенок. Нечего вам тут делать, идите домой. Вам всего этого видеть не нужно.

Я киваю и отступаю. Кое в чем он прав: мне ничего этого видеть не нужно. И быть сейчас нужно не здесь.

Иду за Калевом, сперва по широкой мощеной улице, потом через Развалины — лабиринт узких переулков, залитых жидкой грязью и обрамленных рядами низких темных бревенчатых домов с остроконечными крышами, погрузившими улицу почти в непроглядную темноту. Мы быстро проносимся по улочкам со смешными названиями: Коровий проезд, Фазаний двор, Гусиный пе-

реулок, — оставшимися еще с тех пор, когда на площадь возле Тайберна пригоняли скот.

Теперь здесь бойня иного рода.

Улицы пустынно, как всегда бывает в день сожжения. Те, кто не присутствует на казни, сейчас протестуют против них возле дворца Рэйвенскорт или стараются забиться в какой-нибудь таверне Апминстера. И производить арест сегодня — явный риск, если попадемся толпе. Шли бы мы арестовывать обыкновенную ведьму — риска бы не было совсем. Но это не обычный арест.

Калев увлекает меня в пустой дверной проем.

— Готова?

— Конечно, — улыбаюсь я.

Он улыбается в ответ:

— Тогда оружие на изготовку.

Я лезу под плащ и достаю клинок. Калев одобрительно кивает:

— Стража ждет нас на Фазаньем, и я на всякий случай поставил Маркуса на Гусиный, а Лайнуса — на Коровий. — Он добавляет, помолчав: — Господи, что за дурацкие названия у здешних улиц!

Я с трудом подавляю смех.

— Знаю. Но мне их помощь не понадобится. Сама справлюсь.

— Как скажешь. — Калев вытаскивает из кармана крону. Зажимает монету в пальцах и держит у меня перед глазами. — Ну что, как обычно?

Я презрительно усмехаюсь:

— Размечтался. Пять единиц добычи — значит, и наград пять. Плюс к тому они — некроманты. Что означает как минимум один труп, сколько-то крови, кучка костей... совершен как минимум, скупердьяй ты наш.

Калев смеется.

— Знатно торгуешься, Грей. Ладно, пусть будет два совершенна и выпивку ставлю. По рукам?

— По рукам.

Я протягиваю ему руку, но он не пожимает ее, а целует. У меня екает под ложечкой, чувствую, как жар заливает щеки. Но Калев, похоже, не замечает ничего — просто сует монету обратно в карман, вытаскивает из-за пояса кинжал, подкидывает его в воздух и ловит с изрядным мастерством.

— Отлично. Тогда идем, а то, знаешь ли, некроманты сами себя арестовывать не будут.

Мы пробираемся вдоль домов, ноги чавкают в раскисшей грязи. Наконец мы доходим до цели! Наш дом похож на все прочие: грязно-белая штукатурка, деревянная дверь с шелушащейся красной краской. Однако же и отличается от других — тем, что находится по ту сторону двери. Колдуны, которых я обычно ловлю, все еще живы, все еще телесны. Сегодня всё не так. У меня живот сводит знакомой судорогой, как обычно бывает перед арестом: волнение, азарт, страх.

— Я вышибаю дверь, но тыходишь первой, — говорит мне Калев. — Командуй, это твои арестанты. Обнаженный клинок вверх, не вздумай его опускать ни на секунду. И сразу же зачитай ордер на арест.

— Знаю. — А вот почему он мне это говорит, не знаю. — Вроде бы не в первый раз?

— Я помню. Но сейчас *не как* в другие разы. И *эти* не такие, как те. Ничего приятного. И больше не ошибайся, ясно? Не могу я все время за тобой поправлять.

Я вспоминаю все свои ошибки, сделанные за последний месяц. Погоню по переулку за ведьмой, которая едва не удрала. Трубу, где я застряла, пытаюсь забраться в дом в поисках спрятанных книг заклинаний. Ага, и дом, в который я ворвалась, где не колдуны варили зелья, а пара пожилых монахов — эль. Да, сколько-то ошибок есть. Но вообще-то ошибок не совершаю. Не в моих это привычках.

— Понятно.

Я поднимаю клинок, потные руки соскальзывают с рукояти, я торопливо вытираю их плащом. Калев за-

носит ногу и лупит ею по двери. Та распахивается, я врываюсь в дом. У огня в середине комнаты сгрудились пять некромантов, которых я ищу. Над пламенем стоит большой тигель, от него валит зловонный розовый дым. Все некроманты в длинных истрепанных коричневых мантиях, лиц не видно под свободными капюшонами. Они стоят, бормочут и распевают, размахивают зажатými в руках костями — то ли рук, то ли ног кого-то очень малорослого — и трясут ими, как шайка монгольских шаманов. Я бы засмеялась, если бы не было так противно смотреть.

Я обхожу компанию по кругу, наставив на них острие.

— Гермес Трисмегист! Останес Персидский! Олимпидор из Фив! — Я замолкаю, чувствуя себя идиоткой.

Ох уж эти некроманты, что за чудные имена себе придумывают! Небось хотят друг друга перещеголять.

— Вот вы, пятеро! — говорю, начиная заново. — Именем Малькольма, короля Англии, я арестую вас за преступление колдовства. — Они продолжают распевать, даже не поднимая глаз. Я смотрю на Калеба. Он стоит в дверях, все еще подбрасывая и ловя свой кинжал. Похоже, развлекается, на меня глядя. — Тем самым вам надлежит проследовать с нами в тюрьму Флит для задержания и ожидать там суда под председательством инквизитора лорда Блэквелла, герцога Норвичского. Буде вас признают виновными, вас казнят повешением либо сожжением, как будет угодно королю, земли же ваши и имущество ваше отойдут к короне. — Я останавливаюсь перевести дыхание. — И да поможет вам Бог.

Обычно на этом месте они начинают протестовать, говорить, что ни в чем не виноваты, требовать доказательств. Всегда. Еще ни разу не приходилось мне арестовывать ведьму или колдуна, которые сказали бы: «Ну да, возилась я незаконно с заклинаниями, читала запрещенные книги, покупала запрещенные травы, и слава небесам, что вы пришли и это прекратили!» Нет, всегда: «За-

чем вы пришли?» и «Вы не туда попали» или «Здесь какая-то ошибка!». Но ошибок не бывает — никогда. Если уж я появилась на твоём пороге, то это ты что-то сделал, чтобы меня туда привести.

Как вот эти некроманты.

Я продолжаю:

— Во вторник, октября двадцать пятого дня одна тысяча пятьсот пятьдесят восьмого года, Останес Персидский покупает аконит волчий, известный яд, на черном рынке Хэтч-Энда. В воскресенье, ноября тринадцатого дня одна тысяча пятьсот пятьдесят восьмого года, Тримегист вырезает Печать Соломона — талисман, используемый для вызывания духов, на стене Адриана за пределами города. Ноября восемнадцатого дня одна тысяча пятьсот пятьдесят восьмого года все подозреваемые замечены на кладбище Всех Святых в Форчен-Грин за эксгумацией трупа Псевдомокрыта, урожденного Натэниела Смита, также известного некроманта.

Все то же молчание. Продолжают себе гудеть, как улей, полный старых пчел. Я прокашливаюсь и продолжаю, на сей раз чуть громче:

— В распоряжении подозреваемых находятся следующие тексты, каждый из которых входит в *Librorum Prohibitorum*, королевский официальный список запрещенных книг: Альбертус Магнус, «Magister Serpentarium», Томас Гранмер, «Новая книга обычных заклинаний», Дезидериус, «Справочник рыцаря-реформиста».

На это они уж точно ответят! Ничто у них не вызывает такой ярости, как известие о том, что я побывала у них в домах и нашла спрятанное там, где никому бы в голову не пришло искать. В тайниках под половицами, под настилом в курятнике, в соломенном матрасе. Все, что колдун может спрятать, я могу найти.

Тут до меня доходит, что нет смысла мне стоять и перечислять их преступления, когда я взяла их с поличным на куда большем. И мне не совсем понятно, что теперь

делать. Не стоять же целый день, слушая, как распевают эти старые идиоты, — и я не могу допустить, чтобы они завершили свои заклинания. Но и вмешаться и пустить в ход клинок я тоже не могу. Нам полагается лишь ловить и ни в коем случае не убивать: закон Блэквелла, который никто из нас не смеет нарушить. И все равно пальцы сжимаются на рукояти, меня так и подмывает врезаться им по первое число, и тут я замечаю одну вещь: в розоватом тумане тигля начинает возникать контур. Он поднимается в воздух, раскачиваясь и раздуваясь под несуществующим призрачным дыханием. Чем бы ни был этот призрак — по моему мнению, это Псевдодемокрит, урожденный Дэниел Смит, которого выкапывали на моих глазах, — он вызывает отвращение. Нечто среднее между трупом и привидением, прозрачное, но гниющее, мшистая кожа, рассыпающиеся в суставах конечности, внутренности наружу. От него идет странное жужжание, и я вдруг соображаю, что он покрыт мухами.

— Элизабет!

Голос Калеба возвращает меня в реальность. Сейчас он стоит рядом со мной, кинжал держит перед собою, уставясь на возникающий перед нами предмет.

— Как ты думаешь, — шепчу я, — это призрак?

Он качает головой:

— Не думаю. Слишком он... как бы это сказать...

— Сочный?

Рот Калеба искривляется в презрительной гримасе.

— Угу. Я бы предпочел слово «плотный», но ты права. И чтобы поднять призрака, усилий пяти человек не нужно. Так что — гуль, быть может? Или упырь. Трудно сказать, он ведь еще не полностью сформировался.

Я киваю.

— Им надо помешать, пока они не закончили, — говорит он. — Бери тех двоих, что слева, а я тех троих справа.

— Не пойдет, — поворачиваюсь я к нему. — Это мой арест, я беру всех пятерых. Так договаривались. А ты вот эту *плотную* тварь в котле.

— Нет, пятерых тебе одной не взять.

— Еще три совершенна — и возьму.

— Элизабет..

— Сам ты Элизабет!

— Элизабет!

Калев хватается за плечи и разворачивает к себе. Некроманты перестали распевать, и в комнате стало тихо. Смотрят они все прямо на нас. Вместо костей в их руках зажаты длинные кривые ножи, причем все наставлены в нашу сторону.

Я вырываюсь из хватки Калеба, делаю шаг к ним, высоко подняв меч.

— Что ты здесь делаешь, девочка? — спрашивает один из них.

— Я пришла вас арестовать.

— В чем нас обвиняют?

Я раздраженно хмыкаю. Если он думает, что я снова буду проговаривать всю процедуру ареста, то его ждет сюрприз.

— Вот этот предмет. — Я тыкаю мечом в сторону подергивающегося видения. — В этом и обвиняют.

— Предмет? — оскорбленным тоном говорит кто-то из них. — Это не предмет. Это гуль.

— Говорил же тебе, — шепчет сзади Калев. Я не отвечаю.

— И это последний *предмет*, который тебе суждено увидеть, — добавляет некромант.

— Размечтался, — отвечаю я, доставая наручники.

Отвожу взгляд всего на секунду, но ее хватает. Один из некромантов мечет нож.

— Берегись! — успевает крикнуть Калев, но слишком поздно. Нож с тошнотворным хлопом входит мне в грудь над сердцем.

Глава вторая

Проклятие!

Я роняю меч и выдергиваю нож из груди, швыряя его на пол. В животе у меня вспыхивает жар, за ним возникает резкое ощущение покалывания. И рана тут же заживает. Крови почти нет, и даже не болит — или не сильно. При виде этой сцены все пятеро некромантов застывают на месте. Они знают — знали с той самой секунды, как я вошла в дверь, — но совсем другое дело видеть, как она действует: стигма, выжженная у меня на коже над пупком, черные каракули, изображающие XIII. Стигма, защищающая меня и показывающая, кто я есть. Воин Тринадцатой Скрижали. Ищейка. Охотник на ведьм.

Они пятятся, будто именно меня здесь надо бояться. И они, конечно, правы.

Я бросаюсь вперед и бью ближайшего некроманта в живот. Он сгибается пополам, и я локтем добавляю сверху ему по затылку, он оседает на пол. Поворачиваюсь к другому, наступаю ему на ногу, прижав к земле, и другой ногой бью сбоку по коленной чашечке. Он с воем падает на колени. В мгновение ока я хватаю его за руки и заковываю медными наручниками. Медь для магии непроницаема, и ему теперь не уйти. Оборачиваюсь к трем прочим. Они выставили руки перед собой и медленно пятятся. Краем глаза я вижу Калеба, он на меня смотрит. И усмехается.

Срывая с пояса новую пару наручников, я двигаюсь к ним. Вблизи заметно, какие они развалины. Лет по семьдесят, не меньше. Серые волосы, морщинистая кожа, водянистые глаза. Хочется сказать, что лучше бы им в церковь ходить и молиться, чем выкапывать тела и вызывать духов, но смысл? Все равно ведь не послушают. Никогда не слушают.

Хватаю некроманта за руки и защелкиваю на нем манжеты. Но не успеваю скрутить оставшуюся парочку,

они выворачиваются, и один из них бормочет заклинание: «*Мутзак тамзих кадима*».

Становится тихо. Огонь гаснет, клубы розового дыма исчезают, втягиваясь обратно в тигель, будто их и не было. Некромант продолжает бормотать, пытается завершить ритуал. Я срываю с пояса кинжал и запускаю в него, чтобы помешать, но поздно. Дух, паривший над котлом, мерзкий, но безвредный до сих пор, загустевает и твердеет, шлепается передо мной с глухим стуком. Кaleb чертыхается вполголоса.

Не успеваем мы шевельнуться, как гуль сбивает меня на пол, смыкает на горле гниющие холодные руки и начинает давить.

— Элизабет!

Кaleb бросается вперед, но не успевает ко мне, потому что на него нападают два оставшихся некроманта с высоко поднятыми ножами.

Я хватаюсь за руки гуля, тяну их в стороны, царапаю и бью по ним, пытаюсь вдохнуть воздух, пусть даже он вохнет землей, гниением и смертью. Слышу, как выкрикивает мое имя Кaleb, пытаюсь ответить ему, но вместо голоса — придушенный шепот. Я отбиваюсь, выворачиваюсь, пытаюсь разорвать захват. Но гуль слишком силен.

В глазах темнеет, в них появляются пятна, расширяются, чернеют. Я хлопаю по каменному полу, тянусь к мечу, но он слишком далеко, и Кaleb не может мне помочь. Одного некроманта он уже бросил на пол в наручниках, но другой продолжает драться, кидая в него всевозможными предметами: мебель, дымящиеся поленья, кости. Помощи мне не дожидаться. Но должен же быть какой-то выход, я знаю, что он есть. И если я не найду его быстро, гуль меня задушит насмерть. Против этого даже стигма не поможет.

И тут у меня появляется мысль.

Собрав последний оставшийся воздух, я делаю вид — убедительно, надеюсь, — что выпускаю последний вздох,

и затихаю. Челюсть отпускаю, чтобы отвисла бессильно, глаза становятся стеклянными и мертвыми. Не знаю, поможет ли, потому что эта тварь мертва, а мертвеца, быть может, нельзя облапошить. Он не прекращает давить, я начинаю думать, что просчиталась, и собираю в кулак все свое самообладание, чтобы не дернуться.

Наконец он перестает давить. И в ту секунду, когда он ослабляет хватку у меня на горле, я запускаю руку в висящий на поясе мешок, зачерпываю горсть соли и мечу ему в лицо.

Комнату заполняет бешеный визг. Соль вплавляется в остатки его кожи и проникает в череп, в глаза, в мозг, растворяя плоть в серую липкую массу. Теплые вонючие куски шлепаются мне на лицо, на волосы, глазное яблоко вываливается из орбиты и болтается передо мной вязким веревочным клубком. Подавляя рвотный позыв, перекатываюсь на бок, хватаю с пола меч и замахиваюсь. Лезвие аккуратно прорезает шею гуля, и он исчезает в вихре горячего воздуха, испустив второй душераздирающий визг. Последний некромант при этом звуке останавливается, предметы, которые он гонял вокруг комнаты, бесцеремонно хлопаются на пол. Кaleb не теряет времени, хватая его за шиворот и бьет лицом о свое колено, потом наносит такой удар, что некромант падает спиной в огонь. Не дав ему опомниться, Кaleb падает рядом с ним и защелкивает у него на руках наручники. На секунду останавливается, опустив голову и тяжело дыша. Светлые волосы прилипли к потному лбу, лицо измазано кровью. Я так и валяюсь, растянувшись на полу, руки и одежда вымазаны землей, гнилью и один бог знает, чем еще. Наконец Кaleb поднимает голову и смотрит на меня. И мы оба начинаем хохотать.

Кaleb выходит наружу и свистит стражникам. Они врываются в дом в своих черно-красных мундирах, с вышитым гербом короля на груди и красной розой — эмблемой его дома — на рукаве. Некромантов одного за